

RU

Проблема идеологии и ее критики в традиции постструктурализма

Романова П. Д.

Аннотация. Целью исследования является определение основных аспектов постструктуралистской концепции идеологии. В качестве эпистемологической основы постструктурализма в статье рассматривается понятие о дискурсе как средстве, с помощью которого конструируется воспринимаемая действительность. Изучаются постструктуралистские аналитические стратегии, включая «археологию знания» М. Фуко, «деконструкцию» Ж. Деррида, анализ «симулякров», предпринятый Ж. Бодрийяром. Новизна исследования состоит в том, что идеология в нем рассматривается с позиций постструктурализма как определенная дискурсивная практика, а ее критика – как анализ дискурса. В результате установлено, что постструктурализм эволюционировал в направлении полного отрицания затекстовой реальности, признания всех процессов и явлений сконструированными дискурсом, а значит и несущими в себе элемент идеологии.

EN

The issue of ideology and its critic in the post-structuralist tradition

P. D. Romanova

Abstract. The study aims to analyze ideology and its critic from the post-structuralist point of view. The author considers discourse constructing perceived reality an epistemological base of post-structuralism. Post-structuralist analytical strategies, including M. Foucault's "archeology of knowledge", J. Derrida's "deconstruction", the analysis of "simulacra" undertaken by J. Baudrillard are examined. This study is the first to consider ideology from the post-structuralist point of view as a certain discursive practice and its critic as a discourse analysis. It was found that post-structuralism tended to fully deny the reality hidden behind the text. All perceived processes and phenomena are constructed by discourse, having an ideological element in themselves.

Введение

Феномен идеологии как системы идей, сквозь призму которых человек смотрит на мир и в соответствии с которыми пытается действовать, занимает важное место в философской и социально-гуманитарной мысли XIX-XX вв. В научный оборот это понятие ввел французский философ А. Дестют де Трасси (2013), а его развернутая философская трактовка впервые была дана в трудах К. Маркса (Маркс, Энгельс, 1955, с. 7-544). Маркс видел в идеологии продукт существующих в обществе отношений собственности и считал, что она служит для обоснования власти собственников средств производства над эксплуатируемыми массами. Соответственно, критика идеологии подразумевает выявление материальных интересов, составляющих реальную основу какой-либо идеи. Только с помощью такой критики можно было бы достичь подлинно научного понимания общественных явлений и процессов.

Со второй половины XIX в. идеология привлекала все большее внимание философов и ученых. Значительную эволюцию концепция идеологии претерпела в самом марксизме. В. И. Ленин (1959, с. 269), А. Грамши (1959) и другие последователи стали видеть в ней только взгляд на мир, навязываемый правящим классом, но и систему идей, мобилизующих эксплуатируемые массы на революционную борьбу. В неомарксизме (Альтюссер, 2006) признавалась определенная самостоятельность идеологии: будучи порождена материальными интересами, она сама могла оказывать воздействие на производственные отношения.

Кроме того, концепция идеологии быстро распространилась за пределы марксизма. Большое внимание идеологической проблематике уделяли французский философ и политолог Р. Арон (2015), американский социолог Д. Белл (Bell, 1962).

В последней трети XX и начале XXI столетия получил широкое распространение и стал одним из самых влиятельных направлений мировой мысли постструктурализм, представленный работами М. Фуко (1996; 1997; 1998; 1999), Ж. Деррида (2000), Ж. Делёза (1998), Ж. Бодрийяра (2015). Как бы ни разнились между собой

концепции, выработанные этими авторами, всех их сближает одно: взгляд на язык, дискурс как средство конструирования окружающей реальности. В связи с этим важно было бы выяснить, какое место занимает идеология в дискурсивных практиках, что вообще представляет она собой с точки зрения постструктурализма и в чем должна состоять ее критика.

Задачи настоящего исследования заключаются в том, чтобы:

- определить эпистемологические основы постструктуралистской парадигмы;
- рассмотреть постструктуралистские представления о власти и идеологии;
- выяснить, в чем заключается критика идеологии с точки зрения постструктурализма.

В исследовании применяются следующие методы: историко-генетический – для анализа того, как происходили генезис и развитие представлений о власти и идеологии в постструктуралистской философии; сравнительный – для сопоставления взглядов на феномен идеологии различных представителей постструктуралистской мысли; структурный метод – для того, чтобы воссоздать структуру постструктуралистской концепции идеологии и власти.

Теоретическая база. В зарубежной науке основные характеристики постструктуралистской мысли рассматриваются в работах Й. Ангермюллера (Angermüller, 2007; 2015), А. Гидденса (Giddens, 1988), Ж. Леона (Léon, 2013). В отечественной мысли свои монографии и статьи постструктурализму посвящали Н. С. Автономова (2011), Е. В. Бакеева (2015), С. А. Гашков (2021), А. В. Дьяков (2005), И. П. Ильин (1996), Ю. В. Ирхин (2010), а кроме того, в некоторых работах определяются и подходы к изучению идеологии с точки зрения постструктурализма. Так, в статье Г. И. Мусихина (2013) проанализирована эволюция представлений об идеологии от бихевиористской парадигмы, в которой она рассматривалась в связи с поведением человека, до постструктурализма, в рамках которого она понималась как дискурсивная практика. Всеми этими исследованиями заложена серьезная теоретическая основа, на которой можно продолжать дальнейшее изучение постструктурализма в целом и идеологии с его методологических позиций в частности.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что выявленные в его результате факты, а именно:

- преобладание в постструктурализме трактовок идеологии как дискурсивной практики;
- «археология» и «деконструкция» как основные методы постструктуралистской критики идеологии;
- присутствие идеологии практически во всех представлениях о реальности ввиду конструирования их посредством дискурсов, – могут использоваться в дальнейших научных разработках по направлениям исследований 5.7.7 Социальная и политическая философия, 5.5 Политология, 5.4 Социология, 5.10.1 Теория и история культуры, искусства, а также в лекционных курсах по этим дисциплинам.

Обсуждение и результаты

Как отмечал С. А. Гашков, постструктурализм представляет собой одно «из самых противоречивых понятий, которое было выработано историей философии», является «неким пандисциплинарным интернациональным “научным мифом”, целокупно характеризующим разные философские, литературоведческие, политологические тенденции, особенно во Франции и США» (2021, с. 75). Впрочем, все же можно выделить некий основополагающий элемент, который сближает большинство работ, относимых к постструктурализму. Это взгляд на язык, дискурс как основу всей социальной реальности. Дискурс в традиции, идущей от Ж. Лакана, Р. Барта и М. Фуко, – это не просто последовательность коммуникативных актов, выражающих те или иные мысли и интенции человека. Дискурс – это определенная система категорий, структурирующая и фактически формирующая в сознании людей окружающую действительность. В предельно общем виде дискурсом можно считать язык описания, конституирующий объект описания. Предметы, процессы, явления таковы, какими мы их описываем, как мы о них говорим. Не «слова» отражают «вещи», а «вещи» создаются «словами».

Категория дискурса в таком понимании неразрывно связана с феноменами власти и идеологии. Дискурс, как считают постструктуралисты, безраздельно властвует над субъектом, «растворяет» его в себе. Человек не только смотрит на мир сквозь призму господствующих дискурсивных практик, не только действует, соотносясь с порожденными ими представлениями, но и говорит, используя уже готовые дискурсивные конструкции. Впервые эту мысль высказал Ж. Лакан применительно к фрейдовскому бессознательному, обозначив его как «часть... трансиндивидуального дискурса, которой не хватает субъекту для восстановления непрерывности своего сознательного дискурса» (1995, с. 28). В результате субъект теряет «свой смысл в объективациях дискурса» (Лакан, 1995, с. 51). Именно с этого времени стали распространяться представления о «смерти субъекта», а также о «смерти автора» (Барт, 1989), поглощенных дискурсивными практиками.

Не только идеология, но и власть в трактовках структурализма и постструктурализма – это прежде всего власть дискурсивных практик. Они господствуют над людьми, лишая их какой бы то ни было субъектности. Но, с другой стороны, власть – это не только подчинение доминирующим дискурсам, но и особые дискурсы власти. Несмотря на признание абсолютного господства языковых структур, философы-постмодернисты, например Фуко, не могли отрицать и отношений власти и подчинения между членами социума, однако и эту проблему философ решал в языковом ключе, видя во властных отношениях между людьми также определенные дискурсы: «...власть говорит – и это и есть правило», – писал Фуко (1996, с. 182). По его словам, на смену преобладавшему в Новое время государственно-правовому представлению о власти приходят совершенно

новые дискурсивные практики. Во-первых, речь должна идти о многократной мультипликации и дифференциации власти. Если раньше единственным носителем власти считалось государство, издававшее законы, устанавливавшее запреты, цензурировавшее и наказывавшее, то сейчас она «вездесуща»: она «производит себя в каждое мгновение в любой точке, или, скорее, – в любом отношении от одной точки к другой. <...> Она отовсюду исходит» (Фуко, 1996, с. 193). Сейчас во власти следует видеть «отношения силы» во всей их множественности, «игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует», «опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система», или, «напротив, противоречия, которые их друг от друга обособляют», «стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действительности...» (Фуко, 1996, с. 192). Кроме того, отношения власти «не находятся во внешнем положении к другим типам отношений (экономическим процессам, отношениям познания, сексуальным отношениям), но имманентны им...» (Фуко, 1996, с. 194).

Но если власть вездесуща, если она имманентна любой сфере человеческого бытия, значит, такой же вездесущей должна быть и обосновывающая ее идеология, должна охватывать собой все пространство социального. И следуя логике постструктуралистского подхода, можно с уверенностью утверждать: правящий миром дискурс сам по себе является насквозь идеологичным, конституируя наши представления обо всем, что нас окружает. Идеология – это, в первую очередь, дискурсивная практика, сквозь призму которой человек смотрит на мир, в соответствии с которой он действует. Это язык, которым он говорит. Если марксисты видели в идеологии продукт общественных отношений, то постструктуралисты – определенный тип дискурса. Значит, критика и анализ идеологии, предпринимаемые в рамках постструктуралистской парадигмы, представляют собой прежде всего анализ дискурса, анализ языковых структур, являющихся основой любой идеологической системы.

Задача критики, таким образом, заключалась не просто в демонстрации фактов, которые подтверждали бы «искажение» критикуемой идеологией действительности, но в постепенной «расчистке» дискурсивных практик от разнообразных наслоений, выявлении подлинных, первоначальных смыслов анализируемых феноменов. Одним из первых такую «расчистку» пытался осуществить Р. Барт в своем сборнике «Мифологии». В нем он вскрывал коннотативные, т. е. не прямые, значения, имеющие идеологическую нагрузку. Таковым, например, является анализ обложки одного из номеров газеты «Пари матч». На ней изображен юноша-негр в военной форме, который отдает честь, глядя на национальный флаг Французской Республики. Барт (2008, с. 273) видит эту картинку как идеологический символ французского империализма, декларирующий полный конформизм населения колоний по отношению к метрополии, готовность верно служить ей и даже пиетет по отношению к национальному флагу.

Особенно большой вклад в такого рода критический анализ внес Фуко, изучавший эволюцию представлений о различных социальных феноменах от Средних веков до настоящего времени. Совершенно обоснованно он называл свою методику «археологией», поскольку она в самом деле напоминала работу археолога, состоящую в удалении культурных слоев, скрывающих от нас какой-либо артефакт. Одно из его наиболее известных исследований касается проблемы безумия – как оно понималось в различные исторические эпохи, как относились к сумасшедшим, пытались ли их лечить или же боролись каким-либо другим способом. Фуко приходит к выводу, что на протяжении длительного времени сумасшествие не рассматривалось как болезнь. Вплоть до XVII столетия перед безумными могли испытывать страх или отвращение, но само безумие воспринималось как разновидность нормы. С утверждением и распространением культа разума в сумасшествии стали видеть некую аномалию, однако связывали его с моральной распущенностью, а не с патологическими изменениями психики. Считалось, что сумасшедшие подлежали исправлению, а потому их вместе с другими асоциальными элементами помещали в работные дома, являвшиеся облегченным аналогом тюрьмы. Лишь в XIX столетии, когда с развитием медицинской науки начала формироваться типология болезней, на сумасшествие стали смотреть как на недуг. Свою роль в этом помимо прогресса медицинских знаний сыграло также становление категориального аппарата юриспруденции, в который вошли понятия правовой недееспособности и невменяемости, а также признание экономической неэффективности работных домов. Таким образом, Фуко (1997) утверждает, что психические патологии являются лишь определенной дискурсивной практикой, идеологическим конструктом, возникновение которого было обусловлено не только развитием медицины, но и изменениями в правовой и экономической областях.

Помимо безумия, Фуко с помощью своей «археологической» методологии «расчищал культурные слои», скрывавшие исторические смыслы многих других хорошо знакомых явлений. Это и клиника (не только психиатрическая, но и больница вообще) как социальное учреждение, и связанный с ней дискурс (Фуко, 1998), и тюрьма (Фуко, 1999). Но, конечно, подобными исследованиями идеологических систем, понимаемых как совокупность дискурсивных практик, занимался не только он один и не только в рамках своей «археологии». Другой французский философ Ж. Деррида предложил метод или, точнее, аналитическую стратегию деконструкции. Основная задача этого подхода – новое прочтение текстов, давно уже считающихся классикой европейской философии, преодоление стереотипов, навязанных репрессивной инстанцией автора. Методом в данном случае мог бы стать поиск оговорок, проговорок, противоречий, апорий в хорошо известных текстах. Деррида производил деконструкцию текстов крупнейших европейских мыслителей, прежде всего Руссо. В результате своих изысканий Деррида приходит к выводу, что западноевропейская философская мысль, а во многом и сознание в целом насквозь логоцентричны. Основой любой концепции является определенное слово, вокруг которого центрируются все остальные элементы. У каждого из таких базовых слов есть свой антипод, например, «добро» – «зло», «разумное» – «иррациональное», «тело» – «душа». Но в любом

случае вокруг базового понятия выстраивается жесткая иерархия, возникают отношения главенства и подчинения, которыми насквозь пронизаны европейская культура, сознание европейцев (Деррида, 2000, с. 237-319).

Именно эту иерархичность обосновывают все существующие идеологии, имплицитно или эксплицитно являемые из текстов философов путем деконструкции, и именно она становится одним из основных объектов критики, осуществляемой Деррида. Неприятие иерархий, отношений господства и подчинения между разными элементами, представления об относительности «главного» и «второстепенного», подчиняющего и подчиненного, недоверие к вертикальным связям, любым видам упорядоченности, наконец, недоверие к истине становятся интегральными характеристиками постструктурализма. Моделью такого видения бытийного пространства могла бы стать ризома Ж. Делёза и Ф. Гваттари – хаотичная сеть разнообразных элементов, лишенная какой-либо внутренней логики, иерархичности. Ее элементы находятся в безостановочном «броуновском» движении, постоянно конфигурируются и реконфигурируются друг относительно друга (Делёз, Гваттари, 2010, с. 7-46).

Если следовать этой точке зрения, любая определенность, любая закономерность может быть признана не соответствующей хаотической и сетевой действительности идеологией, которая заслуживает всесторонней критики. Однако некоторые авторы идут еще дальше, ставя под сомнение фактически любую реальность, порожденную текстами. Так, Ж. Бодрийяр (2016) в 1990-1991 гг. выпустил три эссе, собранных впоследствии под общим названием «Войны в Заливе не было». В них он утверждал, что события 1990-1991 гг. на Ближнем Востоке были запечатлены в массовом сознании такими, какими их представили СМИ. Если бы кто-нибудь не смотрел в то время телевизор и не слушал радио, а оказался в Ираке и стал бы непосредственным очевидцем его бомбардировок, то вполне мог бы усмотреть в них нечто совершенно иное. СМИ подали их как войну, поэтому они так и стали считаться войной.

Бодрийяр сделал такой вывод еще и потому, что он полностью вытекал из его общей концепции симуляции и симулякров, которую тоже вполне можно применить к сфере идеологического. Категории «симуляции» и «симулякра» восходят еще к Платону, активно использовались в XX столетии (Делёз, 1998), однако если говорить о полноценной концепции, то она сложилась именно в работах Бодрийяра. Симулякр – это всегда, по меньшей мере, неточная копия реальных явлений, а нередко и копия того, что не существует на самом деле. В соответствии со степенью адекватности отображения Бодрийяр выделял четыре стадии развития образа. Первая – отражение базовой реальности, вторая – маскировка и искажение базовой реальности, третья – маскировка *отсутствия* базовой реальности, наконец, четвертая – полное отсутствие каких-либо связей с реальностью. Чем выше стадия, тем ближе образ по своей природе оказывается к симулякру, а на четвертой, высшей ступени своего развития он полностью сливается с ним, становится «собственным чистым симулякром» (Бодрийяр, 2015, с. 23). На этой высшей стадии образ уже не имеет никакого отношения к действительности, а лишь симулирует ее, то есть делает вид, что обладает чем-то, чего нет на самом деле. Создаваемую такими симулякрами картину Бодрийяр называл «гиперреальностью» (2015, с. 18). Однако современный мир, находящийся во власти информационных и цифровых технологий, представляет собой подлинное царство симулякров, в котором, как писал Бодрийяр, реальное заменяется «знаками реального».

Применив эту концепцию к идеологической проблематике, можно утверждать, что фактически любой текст, любая новость, любой видеоролик, создаваемый современными СМИ, может считаться симулирующим реальность, а значит, и несущим в себе элемент идеологического и потому заслуживающим критики. Впрочем, постмодернистское отрицание отнюдь не ограничивается современностью и медиа. Весьма серьезно затронуло оно и историческую науку. Методы постструктуралистской критики, деконструкции применяются и к уже давно написанным, считающимся хрестоматийными текстам. Так, американский исследователь Х. Уайт (2002) рассматривал исторические нарративы как литературные произведения, по сути романы, подчиняющиеся законам художественной композиции. Каждому из нескольких крупных и известных памятников исторической и историософской мысли, проанализированных в его книге «Метаистория», соответствует определенный литературный жанр или троп. Например, созданная Г. Ф. В. Гегелем концепция всемирно-исторического процесса была, по его мнению, вдохновлена иронией (Уайт, 2002, с. 106-162); в большинстве работ Л. фон Ранке он увидел комедию (Уайт, 2002, с. 195-225), в «Демократии в Америке» и «Старом порядке и Революции» А. де Токвиля – трагедию (Уайт, 2002, с. 226-268). Историко-культурные труды К. Буркхардта представляют собой не что иное, как сатиру, марксистское видение мира определялось метонимическими конструкциями, ницшеанское – метафорой (Уайт, 2002, с. 269-432). Нет абсолютной истины, нет никаких авторитетов, нет вообще ничего святого – вот главный посыл труда Уайта (2002), как и постмодернистской мысли в целом.

Заключение

Как показало проведенное исследование, в рамках постструктуралистской парадигмы идеология является прежде всего определенной дискурсивной практикой. Язык, дискурс конструирует мир, заставляет человека говорить и мыслить определенным образом, в целом сознать вещи, процессы и явления и действовать в соответствии со сформированными им представлениями. По этой причине идеологическая нагрузка онтологически присуща речи. Если у Маркса идеология – это продукт определенных общественных отношений, то, встав на позиции постструктурализма, можно утверждать, что идеология является одним из свойств языка, конструирующего мир.

Соответственно, критика идеологии – это прежде «археологическая расчистка» языковых структур, раскрытие коннотативных смыслов, деконструкция текста. В этом особенно четко прослеживается эволюция

постструктуралистской мысли в сторону полного отрицания затекстовой реальности. Если Фуко анализировал дискурсы, наделяющие определенным смыслом реальные явления, такие как, например, безумие, то Бодрийяр писал о «гиперреальности», порождаемой симулякрами – копиями того, что не существует в действительности, а Уайт видел в любом историческом нарративе произведение, выстроенное по законам художественной композиции. С точки зрения постструктурализма мир – это наши идеологические представления о нем, конструируемые дискурсом, поэтому критика идеологии требует прежде всего анализа дискурсов и текстов.

Анализ постструктуралистских концепций идеологии, предпринятый в данной статье, может стать частью более обширного исследования, которое охватывало бы представления об идеологии в философии последней трети XX – начала XXI в. в целом (постмарксизм, деколониальный поворот, социальная экология и другие подобные направления).

Источники | References

1. Автономова Н. С. Философский язык Ж. Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.
2. Альтюссер Л. П. За Маркса / пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Праксис, 2006.
3. Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2015.
4. Бакеева Е. В. Инкарнация мысли: постструктурализм в контексте идей М. М. Бахтина и М. К. Мамардашвили. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015.
5. Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2008.
6. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Эстетика / пер. с франц. С. Н. Зенкина; сост., общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
7. Бодрийяр Ж. Войны в Заливе не было // Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / пер. с франц. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016.
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с франц. О. А. Печенкиной. М.: Постум, 2015.
9. Гашков С. А. К философской методологии исследования и классификации постструктурализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63.
10. Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. Т. 3. Тюремные тетради.
11. Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века: сборник философских статей. Томск: Водолей, 1998.
12. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. Екатеринбург – М.: У-Фактория; Астрель, 2010.
13. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с франц., вступ. ст. Н. С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
14. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013.
15. Дьяков А. В. Проблема субъекта в постструктуралистской перспективе: онтологический аспект. М. – Курск: Издательство РГСУ; КИСО, 2005.
16. Ильин И. П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
17. Ирхин Ю. В. Структурализм и постструктурализм: возможности и пределы // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6.
18. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе: доклад на Римском конгрессе, читанный в Институте психоанализа Римского университета 26 и 27 сентября 1953 г. / пер. с франц. А. К. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995.
19. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 6.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд-е 2-е. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3.
21. Мусихин Г. И. Методология исследования идеологий: от поведенческого анализа к постструктуралистским контекстуальным моделям // Политическая наука. 2013. № 4.
22. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.
23. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.
24. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с франц. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997.
25. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
26. Фуко М. Рождение клиники / пер. с франц. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998.
27. Angermüller J. Qu'est-ce que le poststructuralisme français? A propos de la notion de discours d'un pays à l'autre // Language et société. 2007. № 120.
28. Angermüller J. Why there is no Poststructuralism in France? The making of an intellectual generation. L. – N. Y.: Bloomsbury Academic, 2015.
29. Bell D. The end of ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. 2nd ed. N. Y.: Collier Books, 1962.
30. Giddens A. Structuralism, Post-structuralism and the Production of Culture // Social Theory Today / ed. by A. Giddens and J. H. Turner. Stanford: Stanford University Press, 1988.

31. Kellner D. Jean Baudrillard: From Marxism to Postmodernism and Beyond. Cambridge – Palo Alto: Polity Press; Stanford University Press, 1989.
32. Léon J. Historiographie du structuralisme généralisé. Etude comparative // Dossiers d'HEL. Les stucturalismes linguistiques: problème d' historiographie comparée. 2013. № 3.

Информация об авторах | Author information

Романова Полина Дмитриевна¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Polina Dmitrievna Romanova¹

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

¹ polinasybarite@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.11.2025; опубликовано online (published online): 02.03.2026.

Ключевые слова (keywords): постструктуралистская концепция идеологии; критика идеологии; постструктуралистские аналитические стратегии; археология знания; post-structuralist concept of ideology; critic of ideology; post-structuralist analytical strategies; archeology of knowledge.